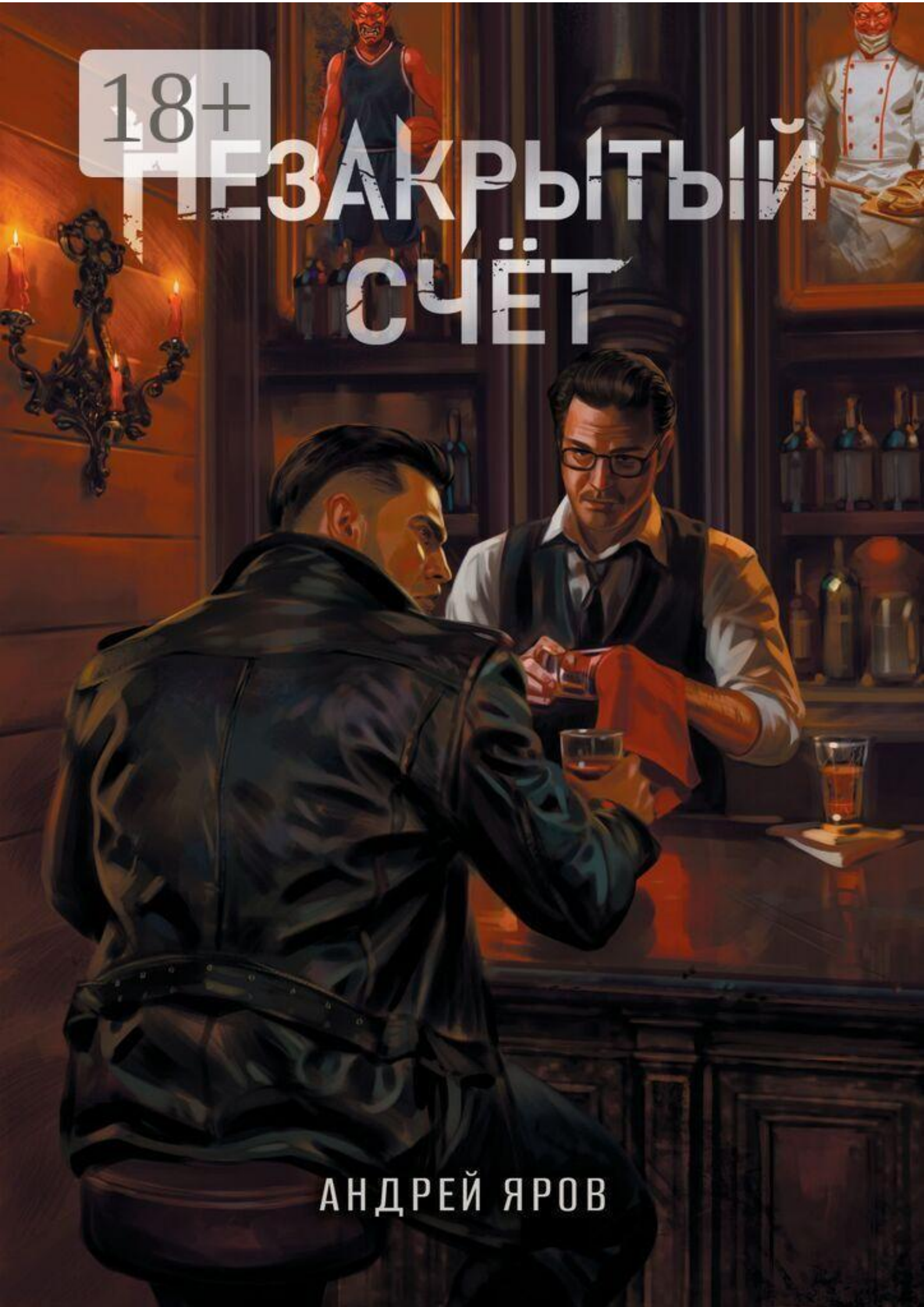
18+

НЕЗАКРЫТЫЙ СЧЁТ



АНДРЕЙ ЯРОВ

Андрей Яров

Незакрытый счёт

«Издательские решения»

Яров А.

Незакрытый счёт / А. Яров — «Издательские решения»,

Артём приходит в себя в странном баре и понимает, что не помнит ничего — ни своего прошлого, ни людей, которых любил. Единственная зацепка — письмо от старого друга Макса с просьбой о помощи. Поиски приводят Артёма в мир, скрытый за привычной реальностью, где древние существа живут рядом с людьми, а старые договоры всё ещё имеют силу. Чтобы найти Макса, Артёму придётся вспомнить, кем он был, и понять, какой счёт ему предстоит закрыть.

© Яров А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 24
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Незакрытый счёт

Андрей Яров

Корректор Наталия Карелина
Иллюстрация на обложке Ксенон
Дизайнер обложки Мария Фролова

© Андрей Яров, 2026

ISBN 978-5-0071-7388-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Волна боли прокатилась от затылка к вискам. Тело сжалось само собой. Несколько глубоких вдохов — боль чуть отступила. Но попытка открыть глаза вернула её обратно, острую и безжалостную.

Глубокий вдох. Медленный выдох.

Мысли запускались с задержкой. Сквозь гул в голове пробивались звуки: звон посуды, голоса, музыка. Плотный воздух смешал в себе солод, жареное мясо, пряности, пот и немного женских духов.

— Пожалуй, хватит на сегодня? — прозвучал голос рядом.

Мужчина попытался повернуть голову и резко ощутил новую вспышку боли. Видимо, это отразилось на лице, потому что голос добавил что-то про анальгетик. Дальше слов он уже не разобрал — боль накрыла снова.

— Выпей. Полегчает.

Что-то появилось на столе. По звуку — бокал. Он, не открывая глаз, нащупал его пальцами и принюхался.

— Да не отравлено, пей, — с усмешкой сказала обладательница голоса.

С мыслью, что хуже уже не будет, он опустошил его. Напиток оказался терпким, ягодным. Назад не пошёл.

Сколько прошло времени, он не знал, но хватка боли слабела. Он вытер пот со лба и снова осторожно решился открыть глаза.

Боли больше не было.

Первым делом взгляд сам пошёл по выходам. Их не было. Ни двери наружу, ни окон, ни щели — стены сомкнулись раньше, чем успела сложиться мысль. Потом зал: человек сорок, ровный гул, явной угрозы нет. Свободные проходы между столами. Руки у тех, кто ближе. Кто сидит спиной к стене. До стойки — шесть шагов. И только потом пришло удивление: тело уже всё это сделало, а он так и не вспомнил, откуда у него эта привычка.

А ещё — что выходов нет. Совсем. В баре. Этого не должно быть, и тело поняло раньше головы: пульс подскочил, пальцы сами сжались.

Интерьер вокруг отсылал к адской тематике: круглые своды, кроваво-красная отделка стен, картины, изображающие сцены пыток и демонов в обыденной жизни — садовника, мясника, курьера, стоматолога. Свечи и факелы — настоящие, никакой электрической подмены — освещали тяжёлые деревянные столы из тёмного массива и стекла.

Посетителей хватало: от студентов до людей солидного возраста. Все пили, ели, разговаривали. Официантки бегали от столика к столику в коротких красных юбках, чёрных сапогах и топах, а головы их украшали ободки с рожками. За спиной каждой болтался декоративный хвост, завершая образ демониц.

Никто не смотрел в его сторону. Он поймал себя на мысли, что даже не знает собственного имени, но уже разложил зал на безопасные и опасные участки. Что за человек так думает?

Люди вокруг вели себя так, будто закрытый зал — норма.

Ему — нет. Холод прошёл между лопаток и остался там.

— Ну как, отпустило?

Он дёрнулся и ударился локтем о стол. Рядом, наклонившись, стояла официантка и с улыбкой ждала ответа.

— Спасибо. Думал, на тот свет отправлюсь.

— Тогда вы выбрали не тот бар.

— Почему?

— Мне почём знать. Что-нибудь ещё? Кухня закрывается через полчаса. Потом — только безалкогольные напитки. А из них у нас одна вода.

— Нет, хватит. Можно рассчитаться?

— Конечно. Надеюсь, вы хорошо провели время.

Она исчезла так же быстро, как появилась.

И тут его накрыло. Какое «хорошо»? Он помнил только последние минуты. Не знал, сколько времени провёл здесь, с кем был, что делал. Не помнил ничего: ни имени, ни лиц, ни прошлого.

Спокойно. Дыши. Жив. Видимых повреждений нет.

Он ощупал голову. Никаких следов травм. В мыслях всплыло слово: амнезия.

Он поднялся из-за стола и прошёл в туалет. Выложил на тумбочку содержимое карманов: жвачка, салфетка, платок, перчатки. Ключи с магнитным брелоком — похоже, от квартиры. Зажигалка, пачка сигарет, кошелёк с наличными. Письмо. Ни телефона, ни документов — ничего, что назвало бы имя. Будто кто-то заранее выгреб всё лишнее.

Адрес на конверте расплылся: чернила смыло водой. Маслянистое пятно делало его неразборчивым. Марки не было.

Мужчина достал письмо и прочитал:

Артём,

мы не виделись десять лет — со времён нашей совместной службы. Много воды утекло. Слышал, ты теперь занимаешься частными делами, и мне нужна твоя помощь. Больше не к кому обратиться — здесь твои навыки пригодятся как нельзя лучше.

Прости за внезапность. Дело срочное, детали расскажу при встрече. В конверте ключ от моей квартиры-кабинета. Если меня там не будет — значит, я начал действовать сам. Координаты оставлю внутри.

За оплату не переживай. Старого друга не обижу. Адрес на обороте.

Макс

«Артём», — он повторил имя несколько раз, надеясь, что внутри что-то отзовётся. Ничего.

Ладно. Артём так Артём.

Из зеркала смотрел незнакомец лет тридцати пяти: красные глаза, тёмные круги, сухое жилистое тело. Потянул край косухи — привычный жест, будто проверял, на месте ли. Под ней — футболка. На сбитых костяшках засохшая кровь. Драки ему, похоже, были не в новинку.

Он мотнул головой: хватит. Есть проблемы посерьёзнее.

Вернувшись за стол, он попытался понять, что делать, но снова появилась официантка и придвинула чашу в форме черепа со счётом. На бумажке были выбиты позиции, сумма, дата и время.

Артём расплатился, добавил чаевые и поднял на неё взгляд:

— Может прозвучать странно, но… я был здесь один?

Она несколько секунд смотрела на него, потом кивнула:

— Да. Вы пришли один.

— А сколько я тут провёл?

— Этого сказать не могу.

— Я не помню, кто я и как сюда попал.

— Такое здесь случается, — кивнула официантка. — Врач или вещи из прошлой жизни могут помочь.

Её взгляд скользнул по его запястью и задержался на татуировке. У неё самой под ключицами виднелся рисунок — звезда в пламени и льду.

— Понятно, — сказал Артём, проследил её взгляд и добавил: — У тебя тоже интересная.

— Спасибо.

Она улыбнулась без тепла.

Он опустил глаза на левое запястье. Пять пентаграмм, выстроенных в ряд. Они должны были что-то значить.

— Удачи, — сказала девушка. — Надеюсь, вы найдёте то, что нужно.

Артём посидел ещё немного. Кажется, здесь больше ничего не найти. Единственная зацепка — письмо. Ну, и ключ.

Он встал и начал искать выход. Обошёл бар по кругу — безрезультатно. И только тогда услышал голос:

— Приятель, помощь нужна?

За стойкой стоял бармен и протирал бокал. Смотрел спокойно.

Слишком спокойно.

— Я не могу найти выход.

— А по счёту расплатился?

— Да.

Бармен скосил взгляд на его запястье.

— Я про другой счёт.

— Где он?

— На тебе.

Артём опустил взгляд на запястье.

— И что это значит?

— Что однажды придётся расплатиться.

— За что?

— Вот это тебе и предстоит понять.

— Удобно. Я не помню, кто я, а платить всё равно должен.

Бармен пожал плечами. Потом, не меняя выражения лица,

плеснул в бокал тёмной настойки и придвинул к нему:

— За счёт заведения.

Артём не притронулся.

— Есть куда идти? — спросил бармен.

— Да. Квартира друга.

— Тогда удачи. Выход левее стойки. Под головой оленя.

Артём обернулся. Дверь находилась там, где её точно не было раньше.

Горло сжалось. Он не закричал — просто секунду стоял, пока пол снова не стал полом.

— Её не было. И откуда ты знаешь, что я дойду?

— Не знаю. Если дорога вернёт тебя сюда, посмотри на руки.

Дверь появляется, пока есть куда — или к кому — идти.

— Каждый заслуживает второй шанс, — сказал бармен. — Но почти никто не понимает, чем за него платит.

Ещё секунду Артём смотрел на него, потом на дверь. Спорить было бессмысленно.

Он вышел. За дверью был переулок — узкий, выложенный старым булыжником, мокрым от ночного дождя. Между кирпичных стен тянуло сыростью и прелой листвой. Где-то наверху капала вода, отсчитывая секунды.

Артём сделал три шага и обернулся. За спиной осталась глухая стена — ни двери, ни вывески, только пожарная лестница, ведущая в никуда.

Переулок вывел его на улицу. Стояло весеннее утро. На углу — ржавая табличка: «Ул. Кольцевая». Ниже кто-то приписал маркером: «Затонск — город на автопилоте». Похоже, местный юмор.

Затонск пах бензином, тополиной корой и горячим хлебом из пекарни напротив. Сталинские пятиэтажки стояли вдоль проспекта — фасады в трещинах, балконы заставлены старыми лыжами и стеллажами с банками. В конце улицы торчала старая кирпичная водонапорная башня с заколоченными окнами.

Усталость накрыла его сразу. Мелькнула глупая мысль: может, выбросить письмо в ближайшую урну и просто жить дальше — кем угодно, с чистого листа?

Имя на конверте жгло пальцы. «Артём». «Макс». Служба. Десять лет. Пустота не стала меньше — но выбросить конверт рука не поднялась.

Он ещё раз глянул на адрес и убрал конверт во внутренний карман. Что-то в нём не умело оставлять начатое.

Артём почувствовал, что кто-то смотрит ему вслед, но не обернулся. Чужой взгляд лежал между лопаток — и не отпускал.

Глава 2

Артём закурил и несколько секунд молча смотрел на просыпающийся город.

Напротив — аптека с облупившейся вывеской, рядом — ларёк с шаурмой, от которого несло жареным луком. Дворник в оранжевом жилете сгребал лопатой мокрый мусор у бордюра. Голуби клевали батон возле урны. Мёртвый троллейбус с оборванными проводами стоял посреди перекрёстка, и водители объезжали его, матерясь в открытые окна.

Обычный Затонск.

Всё на местах — и всё держалось на честном слове.

Внутри у него по-прежнему стояла пустота. Он ждал паники — она не пришла. Всё происходящее Артём воспринимал как задачу.

Он поймал такси, назвал адрес из письма и сел на заднее сиденье. Водитель кивнул и тронулся. Город проплывал за окном.

На двух перекрёстках подряд Артём заметил один и тот же мёртвый троллейбус. Списал на усталость, но осадок остался.

Он закрыл глаза и провалился в сон.

В доме напротив не горело ни одно окно. Только свет уличного фонаря падал на мокрый забор и жестяной почтовый ящик, в котором, кажется, давно ничего не лежало.

Они сидели в машине уже долго. Воздух в салоне стал тяжёлым, пропитанным ароматом кофе и нервами. На лобовом стекле собирался конденсат, и Артём машинально протёр его рукавом — привычка, чтобы видеть, что происходит снаружи.

Напарник молча пил остывший кофе. У него были крупные руки с короткими ногтями. На безымянном пальце — полоска от снятого кольца. Артём не знал, какой стакан кофе у напарника по счёту, и не хотел знать.

— Если сейчас уйдём, — сказал тот, не глядя на него, — потом уже не вернёмся.

Артём смотрел на дом. За шторой второго этажа мелькнула тень. Может быть, женщина, а может, ребёнок. Внутри росло тяжёлое, липкое напряжение.

Они засиделись. Значит, уже решили.

— Мы просто поговорим, — продолжил напарник. — Напугаем. Ничего больше.

Артём не ответил. От знакомого тона сжалось под рёбрами: так говорят не перед разговором, а когда заранее ищут себе оправдание. Напарник тоже это слышал.

Где-то рядом хлопнула дверь. Шаги.

Совсем близко.

Напарник поставил кофе в подстаканник и наконец посмотрел на Артёма. В его глазах не было сомнений. Были усталость и что-то похожее на жалость — не к тому, кто в доме, а к ним самим.

— Птичка в клетке, — тихо сказал он. — Пора.

Артём открыл дверь машины.

Холодный воздух ударил в лицо: запах бензина, металла, мокрой земли. И где-то под асфальтом, почти неслышно, дрожал низкий гул — ровный, медленный, будто там, в глубине, что-то очень большое дышало во сне.

За шторой на втором этаже тень снова дёрнулась — слишком ровно, почти как вырезанный из темноты силуэт. И возникло чувство, что сейчас они сделают что-то, от чего уже не отмыться.

— Приехали.

Артём открыл глаза. Таксист смотрел на него в зеркало.

— Адрес ваш, — повторил водитель.

Он расплатился и вышел из машины.

Чувство вины не отпускало. Почему — он не знал.

Квартира находилась в старом пятиэтажном доме рядом с парком. Подъезд пах сыростью и чем-то кислым, у чего нет бытового названия. Лампочка под потолком мигала, бросая на стены кривые тени. Артём поднялся по лестнице, считая этажи. Привычка. Он не знал, откуда она, но почему-то доверял ей больше, чем памяти.

Дверь старая, деревянная, со стёртой ручкой. Ключ подошёл сразу.

Внутри было тихо и подозрительно чисто.

Артём остановился на пороге. На столе — остывший кофе и надкусанный бутерброд. Человек ушёл посреди завтрака. Быстро, но без паники: ничего не было опрокинуто, стул стоял на месте, дверь заперли ключом.

А вот ящик тумбочки в прихожей был выдвинут — не до конца, всего на два пальца. Так не оставляют, когда уходишь сам. Так оставляют, когда ищут.

Он медленно прошёл в комнату. На полке одна книга лежала корешком вверх — остальные стояли ровно. На столешнице — полоска пыли, обрывающаяся чистым прямоугольником. Что-то лежало здесь и было забрано. Кто-то посещал квартиру после хозяина.

У края ковра белела тонкая меловая полоска. Артём присел и потянул ковёр — тот не двинулся, прижатый мебелью. Он подлез рукой под край. Пальцы коснулись мела.

Артём отодвинул кресло и свернул ковёр до середины.

Под ковром оказался меловой круг. Часть линий размазалась, но рисунок сохранился: символы по краю, тонкие перемычки между ними, выверенная до мелочей точность.

Артём коснулся мела и сразу убрал руку. Пальцы разжались сами.

Он не понимал, что перед ним, но это явно было не украшение.

Он выпрямился. Руки мелко подрагивали.

На письменном столе лежал блокнот — потёртый, с загнутыми углами. Внутри — обрывки записей, адреса, зачёркнутые строки. На полях — числа, похожие на даты. Несколько страниц вырвано.

Последняя была исписана крупно, с нажимом:

Алексей Карпов в беде. Дом в деревне. Три часа пути.

Ниже — другим почерком, неровным, ломаным, будто писали в темноте или нерабочей рукой:

Огонь не жжёт. Он ласкает. Лихорадку сразу не убить.

Под фразой — адрес и дата. Артём перечитал.

Завтра.

Он закрыл блокнот. Тот, кто был в квартире до него, забрал что-то со стола. Но блокнот не тронул. Либо не нашёл, либо ему не нужен был адрес.

В подъезде хлопнула дверь. Артём замер.

Шаги. Тяжёлые, неторопливые. Поднимались по лестнице: второй этаж, третий… Остановились.

Он вслушивался, не дыша.

Щелчок замка этажом ниже. Дверь открылась и захлопнулась.

Сосед.

Артём выдохнул. Но руки его всё ещё не слушались. Усталость опять навалилась на него. Он опустился на диван, лицом к двери, держа блокнот под ладонью. Артём поймал себя на мысли, что спать вполглаза — тоже привычка. И снова неизвестно откуда.

Последняя мысль была не про того, кто поднимался по лестнице. Он боялся не тех, кто придёт за ним. Он боялся вспомнить, кем был сам.

Глава 3

Проснулся Артём рывком — лицом к двери, как и заснул. На часах было три часа ночи. Блокнот по-прежнему лежал под рукой.

Он вышел на балкон и, глядя в тёмное небо, стал выкуривать сигареты одну за другой. Дым расползался в холодном воздухе. Мысли шли по кругу, цепляясь друг за друга.

Что должен чувствовать человек на его месте?

Страх?

Панику?

Облегчение?

Он не помнил ничего — ни людей, ни ошибок, ни того, за что когда-то отвечал. В этом было что-то пугающее и одновременно освобождающее.

Артём затушил последний окурок и вернулся в квартиру. Лёг, закрыл глаза.

Сначала было тепло. Жёлтый свет где-то сбоку, будто горит кухонная лампа, и негромкий женский смех совсем близко. Ложка тихо звякнула о край кружки. По полу пробежали лёгкие босые шаги, детский голос произнёс одно короткое слово, но Артём не разобрал его. Он потянулся к этому теплу, но оно осыпалось, не дав разглядеть ни лица, ни комнаты.

Вместо него пришёл холод.

Тот же дом, только теперь Артём стоял внутри. Узкий коридор. Сырая стена под ладонью. Запах металла, бензина и мокрой земли, принесённой на подошвах. Впереди — закрытая дверь, под ней лежала тонкая полоса тёплого света.

Напарник дышал за спиной. Лица Артём не видел.

— Птичка в клетке, — произнёс тот почти беззвучно. — Ты первый.

Щёлкнул снятый предохранитель.

Только тогда Артём понял: пистолет уже у него в руке.

За дверью скрипнула половица. Кто-то живой замер совсем рядом, по другую сторону.

Артём хотел спросить, что они делают и кто там, но голос не шёл. Тёплая полоса под дверью коснулась носков его ботинок.

Он сделал шаг.

Артём дёрнулся и сел.

Вокруг знакомая комната, тусклый свет, стены. Пот стекал по спине, руки дрожали.

Сон. Просто сон.

Но почему тогда тело не слушается? Почему внутри всё сжимается, как после чего-то необратимого?

Артём прошёл в ванную, плеснул в лицо холодной водой. В зеркале отражался уставший мужчина с красными глазами — тот же самый, что смотрел на него вчера.

— Соберись, — сказал он вслух.

Его вещи были на месте — письмо, адрес. Нужно ехать.

Утро уже вступило в свои права. Артём прошёлся по району, пока не наткнулся на небольшое кафе. Изнутри тянуло выпечкой и кофе.

Посетителей было немного. Он подошёл к стойке.

— Что будете? — спросила официантка.

— Американо покрепче, беляш и совет, — ответил Артём. Она улыбнулась и наклонилась ближе.

— Слушаю.

— Мне нужно в деревню. Часа три пути. И без лишних затрат.

— Телефон есть?

— Нет.

Она рассмеялась.

— Из какого вы века?

— Из каменного. Возможно, ещё древнее.

Девушка что-то пролистала на экране.

— Есть водитель. Через пару часов выезжает. Заберёт отсюда. Пятьсот.

— Подходит.

Через десять минут Артём стоял на улице с кофе в руке и ощущением, что мир шагает быстрее него.

Старая «девятка» подъехала с характерным дребезгом. Краска на кузове давно проиграла ржавчине, багажник забит хламом и перетянут верёвками.

— Ты, что ли, до Лихоборов? — крикнул водитель.

Артём молча сел в машину.

— Серёга, — представился тот.

В машине пахло табаком, кожей и старым пластиком.

— Эка ты налегке, — усмехнулся Серёга. — Ну и ладно. Места всё равно нет.

Ехали молча. Поля сменялись лесами, редкие дома проплывали за окнами.

— Ну, рассказывай, — не выдержал водитель. — Дорога длинная.

Артём описал всё коротко, без деталей. Серёга выслушал, не перебивая.

— Решил помочь — правильно. У нас место чужих не любит. Потому люди друг за друга и держатся. Не каждому здесь по зубам.

Артём заметил на зеркале фотографию: молодой мужчина и девушка на лугу. Рядом висел чёрный амулет — знак солнца. Он потянулся к нему.

— Не трогай, — резко сказал Серёга.

— Хотел посмотреть.

— Не надо.

Больше Артём ничего не говорил. Через час Серёга остановился у тропы.

— Дальше пешком. Через поле, потом лес. Не сворачивай.

Артём вышел из машины. Серёга порылся в бардачке и окликнул его:

— Возьми. На удачу. — Он протянул такой же амулет.

Артём взял его и пошёл.

Лес встретил тишиной.

На небольшой поляне он заметил пень. На нём лежал платок, аккуратно разложенные куски хлеба, соль, прижатая монетами бумага.

Артём остановился.

Он не знал, откуда это взялось, но понял: так оставляют не для людей.

Он ничего не тронул и пошёл дальше, не оглядываясь. Деревня оказалась больше, чем он ожидал: магазин, электричество, дома. Люди смотрели настороженно.

Артём шёл по главной улице и не мог понять, что не так. Потом дошло: в деревне ни одной собаки. Ни за забором, ни на цепи, ни просто бродячей. Даже лая не слышно.

Его направили к последнему дому у леса.

Там встретила женщина — молодая, красивая, напряжённая.

— Я к Алексею Карпову, — сказал Артём.

— Я его жена, — ответила она.

Из-за её спины вышел мужчина — усталый, болезненно бледный.

— Пусть войдёт, Оль, — произнёс он. — Алексей.

Артём сначала посмотрел на его руки. Очередная привычка, которую он не выбирал, — она просто была. Руки крупные, с короткими ногтями и мозолями на костяшках. Левая — слабее, пальцы чуть подрагивают. Не от страха — от усталости. Он выглядел так, что сразу

видно: силы уходят быстрее, чем он успевает их восполнять. Сели за стол. Ольга поставила плюшки, разлила чай, но к своей чашке не прикоснулась. Только повернула её ручкой к себе — и тут же обратно. Дважды. Так делают, когда руки не знают, куда себя деть.

Артём вкратце рассказал всё, что с ним произошло.

На словах о письме Ольга дёрнулась, её чашка выпала из рук и разбилась.

— Убирайся! — выкрикнула она. Потом тише, сквозь зубы: — Каждый раз кто-то приходит помочь. И каждый раз становится хуже.

Алексей побледнел ещё сильнее.

— Уходи, брат… прошу, — попросил он.

Артём поднялся. Из его кармана выпал амулет. Ольга вскрикнула, как от боли.

— Уходи. Сейчас же, — повторила она. Артём не двинулся.

— Я не знаю, что у вас случилось. Но если за этим стоит то же, что за письмом Макса, времени нет. Скажите хотя бы, чего бояться.

Ольга сжала край стола так, что побелели пальцы.

— Тебя, — сказала она. — И того, что приходит за тобой.

Артём вышел. Ответов не было. Только ощущение, что он коснулся чего-то, к чему не был готов.

Где найти сельского старосту, подсказали в магазине: Семён, дом у колодца. Туда Артём и направился.

Жилистый старик колол дрова. Когда повернулся, Артём увидел шрамы, много шрамов, расползшихся по всему его лицу.

— Артём, — представился он.

— Семён, — отозвался старик.

— Мне сказали, ты здесь староста, — начал Артём.

— Как видишь.

Топор снова ударил по полену. Дерево треснуло и разошлось.

— Я искал человека, Алексея Карпова. Был у него. Мне сказали, что он болен.

Староста замер на пару секунд, потом поставил топор лезвием вниз и повернулся.

— Он тебя звал?

Артём задумался.

— Нет.

— Помощи просил?

— Тоже нет.

Семён кивнул — словно получил подтверждение собственным мыслям.

— Тогда в чём вопрос?

— В том, что с ним что-то не так. Он словно… иссыхает. И жена его…

— Жена у него дома, — перебил староста. — Живёт с ним. Хозяйство ведёт. Людей не трогает.

— Алексей угасает, а жена отгоняет любого, кто пытается помочь. С ней что-то не так.

Семён посмотрел на него внимательно, без злости и насмешки. Так смотрят на человека, который подошёл к краю, но ещё этого не понял.

— Понимать и лезть — разные вещи.

— Ты хочешь сказать, что это его выбор?

— Я хочу сказать, что это его выбор. Не наш.

— А если он умрёт?

Семён пожал плечами.

— Все умирают.

Это прозвучало не жестоко, скорее устало.

— То есть вы здесь всё знаете и не хотите даже помочь? Он же один из вас.

— Нет, — ответил Семён. — Я знаю, что бывает, когда вмешиваются без спроса.

Он снова взялся за топор.

— То есть помощи Алексею не ждать?

— Нет.

— Почему?

Семён уставился на бревно.

— Потому что тогда оно пойдёт дальше. Не к нему. К другому. Может, к ребёнку. Может, к тем, кто не выдержит. Может, в мой дом. — Он отвернулся, поднял очередное полено.

— Я людей в беде не оставляю, — сказал Артём.

Староста устало поднял голову.

— Ничего ж ты не понимаешь.

— Так объясни, чтобы понял.

Семён помолчал, потом добавил:

— Сходи к дому ночью. Только аккуратно, чтобы не заметили. Сегодня полная луна. Может, и увидишь то, что заставит тебя понять.

Артём уже собирался уходить, когда услышал:

— Переночевать можешь у меня. Рядом летний домик. Не пятизвёздочный отель, но вряд ли здесь тебе кто-то предложит лучше.

— Сколько с меня?

— Нисколько. Остаёшься?

— Да.

— Ну и славно. Пошли, дам ключи.

Скинув вещи и приведя себя в порядок, Артём сходил в магазин. Взял консервы, фонарь, туристический нож. На него смотрели как на чужака. Он поздоровался — ответом было молчание.

Когда проснулся, сумерки уже сгущались. Он закрепил ножны на ремне, рядом прицепил фонарь и вышел на крыльцо. Интуиция подавала сигналы, но цельной картины не было. Артём покрутил в пальцах сигарету, закурил. С Алексеем происходило что-то дурное, окружающие это знали — и помогать не спешили. Значит, либо боялись, либо считали происходящее справедливым. Оба варианта ему не нравились.

Солнце село. Путь освещали редкие фонари и свет из окон. Круглая луна стояла высоко, небо было усыпано звёздами, такими яркими, что казалось, до них можно дотянуться рукой. Такого неба Артём не ожидал.

Он проверил нож на ремне, зажигалку, блокнот во внутреннем кармане. Решение было принято ещё днём, в разговоре с Семёном. Просто теперь тело знало об этом.

Он пошёл к дому Алексея.

Чем дальше от центра деревни, тем сильнее нарастало ощущение чужого взгляда в спину. Будто за ним наблюдали не люди, а сама темнота.

Он вышел к забору и остановился. Что-то было не так. Тишина. Глухая, плотная.

Днём он заметил, что в деревне нет собак. Теперь понял: дело не только в собаках. Нет ничего. Ни лягушек у реки, ни сверчков, ни птиц, ни ночных бабочек у фонарей. Живое уходило из Лихоборов — медленно, почти незаметно, но уходило.

Артём присел и задел рукой небольшой мешочек, привязанный к забору. Он осмотрел его. Ткань плотная, внутри — сухие травы. Таких мешочков оказалось много: через равные промежутки, каждый со своими узорами и знаками.

Он обошёл забор по кругу. Дом был изолирован полностью.

Вдоль земли тянулась свежая дорожка соли. Её обновляли.

Соль, травы и замкнутый двор складывались в один вывод: внутри держали то, чему нельзя дать выйти.

Поняв это, Артём перелез через забор.

Сразу накрыло жаром. Не обычным, не летним, не банным. Этот жар был живой. Он не просто стоял в воздухе — он лез под кожу, в горло, в глаза. Ночь вокруг оставалась тёплой, весенней, а здесь, внутри двора, начиналась совершенно другая погода.

Лоб покрылся потом, по спине пробежал холодок. Артём сделал шаг, потом ещё один. Жар упёрся в грудь, вязкий и плотный, будто он шёл не по двору, а по горячей воде. Сердце застучало чаще, во рту пересохло.

Он остановился и прислушался. Тишина не отступала. Только жар и липкое ощущение, что дом уже знает: он здесь.

Подойдя к окну, Артём осторожно приподнялся и заглянул внутрь.

Алексей лежал на кровати. Артём не сразу узнал его — настолько плохо тот выглядел. Лицо осунулось, губы пересохли, кожа блестела от пота. По телу время от времени пробегала мелкая дрожь, будто внутри его били током. Он стонал, не приходя в сознание. В комнате стояла жара, как в натопленной бане, но огня в печи не было.

И тогда Артём увидел Ольгу. Она не шла — она скользила. Медленно, бесшумно, словно пола под ней не существовало. В руках — грубо вырезанная деревянная игрушка, то ли лошадка, то ли кукла. Женщина напевала что-то тихое, тягучее, без слов, и с каждым её движением тело Алексея дёргалось сильнее.

По шее пополз холод. Ольга проплыла мимо зеркала — и Артём перестал дышать.

В отражении была не она. Там стояла высохшая старуха. Кожа — как выцветшая бумага, натянутая на кости. Волосы — редкие, серые, спутанные. И глаза… Горящие. Слишком яркие. Нечеловеческие. Неживые.

Артём моргнул, провёл рукой по лицу. Подумал, что жара добралась до головы. Но когда снова посмотрел в зеркало, старуха была там. И в этот момент она повернулась — не Ольга, а та, что была в отражении. Белый огонь в её глазах вспыхнул сильнее. Игрушка в руках женщины замерла, песня оборвалась.

Артём не помнил, как отшатнулся от окна. Он рванул к забору, не разбирая дороги. Сердце било в рёбра так, что в глазах темнело. Уже перелетая через доски, он почувствовал, как что-то ударило его в спину — не когти, не рука, а будто раскалённое железо приложили к коже и протащили вниз.

Артём заорал и рухнул на землю по ту сторону забора. Воздух выбило из лёгких, мир дёрнулся и поплыл. Он перевернулся на спину, хватая ртом кислород, и увидел её.

Ольга стояла у границы двора. Теперь она уже не казалась ни живой, ни красивой. Лицо перекосило, рот распахнулся слишком широко, голос рвался наружу нечеловеческим визгом. Она билась о невидимую преграду, как зверь о клетку, но выйти не могла. В руке у неё остался клочок его рубашки.

Она рванулась ещё раз, потом ещё. Граница двора дрогнула, но не пустила. Белые глаза горели в темноте.

Артём заставил себя отползти назад — не вставая, не отворачиваясь. Потому что был уверен: стоит только повернуться спиной — и она окажется рядом.

Ольга вдруг стихла, замерла. Посмотрела на него. Потом развернулась и исчезла в доме.

Воздух снова стал обычным — тёплым, весенним. Артём ещё несколько секунд лежал в грязи, пытаясь отдышаться и понять, почему сердце до сих пор не остановилось.

Он с трудом поднялся и, не оглядываясь, поковылял прочь. В доме сорвал с себя одежду и пошёл в душ. На спине болезненно пульсировал ожог — отпечаток ладони.

Артём выпил обезболивающее, потом ещё одно. Под прохладной водой простоял долго. Мысли не складывались — только образы: жар, старая рожа в зеркале, белые глаза и Алексей, медленно сгоравший заживо у себя в доме.

Значит, староста не врал. И вся деревня знала.

Артём вытерся, сел на край кровати и понял одно: уехать утром как ни в чём не бывало уже не выйдет. У него больше нет права просто развернуться и уйти.

Позже он нашёл в холодильнике бутылку водки и консервы.

Выпил. Немного отпустило.

Ночью его трясло. Сон рвался на куски, проваливаясь в тяжёлое, вязкое забытьё.

Проснулся Артём от запаха травяного чая. За столом сидел Семён, нарезая хлеб и колбасу.

— Очнулся? — усмехнулся он. — Орал ты знатно.

Артём сел, не отвечая.

— Может, расскажешь, что ты там видел? — спокойно спросил старик.

Артём хмуро взглянул на него.

— Кажется, вы здесь все всё знаете и ждёте, когда Алексей умрёт.

Семён покрутил кружку за ручку.

— Иногда решаешь, в чьём доме беду запереть и кто её на себе держать будет, — наконец сказал он. — Иначе остальным не выжить.

— Может, всё-таки расскажешь, что у вас тут происходит? Соль под забором, мешки с травами, знаки. Почему все всё знают, но делают вид, будто ничего не происходит? Или вам так удобно — ждать, пока Алексей сам сгорит?

Семён медленно поставил чашку на стол.

— Ты уже сам всё видел, зачем мне объяснять?

— Затем, что у меня теперь вопросов больше, чем ответов.

Семён посмотрел на него тяжело, с усталой злостью.

— Ты нездешний. Не твоя земля, не твои заботы. Я пустил тебя переночевать только из уважения к Максиму. Он мне жизнь спасал не раз. Хотел, чтобы ты посмотрел — и ушёл. Ты бы всё равно не оставил это как есть. А нам проблемы не нужны.

— Удобно устроились. Один сгорает — остальные спят спокойно. Хорошо заботитесь о своих.

Семён резко выдохнул.

— Да что ты вообще понимаешь? — Он наклонился вперёд, понизил голос: — Он сам её не отпустит. А она высосет его — и уйдёт. На этом всё закончится. Никто больше не пострадает. Вмешайся — и она вырвется. Тогда не угадаешь, кто следующий. Бывало, и деревни вырезало. И города. Про чуму в учебниках читал?

— Значит, вы заперли нечисть в доме Алексея и ждёте, пока она его доконает? И кроме этого ничего делать не собираетесь?

— А что ты предлагаешь? Чем ты поможешь? — усмехнулся Семён и сделал глоток чая. — Она древняя. Её нельзя убить. Только сдержать. И не дать выйти за порог. — Он помолчал, глядя в кружку. — Хотя и она — мелочь. Старики говорили: под всем этим, глубоко, спит то, из чего всё и выросло. Гудит иногда. Пока спит — мы живём. А лихорадка эта рядом с ним — так, комар на шкуре.

— А изгнать? Ритуалы же существуют.

Семён криво усмехнулся.

— Ритуалы… Тут цена — не одна могила. Сорвёшь — подставишь всю деревню. Готов на это?

— Какова она?

— Если сорвёшь ритуал, либо угробишь деревню, либо заберёшь лихорадку с собой. И где будешь ходить ты — там будет идти смерть.

— А если получится?

Старик внимательно посмотрел на Артёма.

— Ты только вчера узнал, что всё это вообще существует.

— Если не получится — обязательно должны умирать другие? Почему не запереть меня, как Алексея?

Семён провёл ладонью по лицу. Потом спросил:

— Зачем тебе это? Кто он тебе? Кто мы тебе?

— Потому что не могу уйти, пока человек умирает. Макса я всё равно буду искать: его письмо и блокнот привели меня сюда. И Алексей что-то знает. Как и ты.

Семён отвёл взгляд.

— Так что для тебя важнее? Найти друга или спасти человека?

— Жизнь Алексея сейчас важнее, — сказал Артём без паузы.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Макса я продолжу искать. Но мимо человека, который умирает сейчас, не пройду.

Семён опустил взгляд в кружку.

— Мне нужно подумать, — сказал он наконец. — Вернусь к вечеру. — Он ушёл.

Артём развёл костёр. Простые вещи — огонь, еда, свежий воздух — неожиданно успокаивали. Размышлять больше не хотелось. Так в одиночестве он провёл остаток дня, приходя в себя и восстанавливая силы после случившегося накануне.

— Отдыхаешь? — раздалось за спиной.

Артём не успел ответить, как Семён сел рядом.

— Значит, так. Не перебивай. Если решишься — мы не против. Но как только зайдёшь за забор, обратно не выйдешь. Только если изгонишь беса. Понял?

— Понял.

— Да ничего ты не понял, — буркнул он. — Я с этим полжизни вожусь и сам бы не пошёл. Ладно. — Он сплюнул в сторону. — Есть ритуал. Делается строго от и до. Пока ты в круге — лихорадка до тебя не доберётся. Если всё сделаешь правильно. Мы дадим талисманы. Но помни: она мастер иллюзий.

— А Алексей?

Семён тяжело вздохнул.

— Алексей должен её отпустить. Но он не хочет. Жена его умерла две недели назад. Он так горевал, что пришла нечисть и приняла её облик. Он цепляется за неё. Если ритуал пройдёт и он её отринет — шанс есть. Если нет — умрёте оба.

Артём посмотрел на него внимательно.

— Так что за ритуал?

Семён поднялся, взял увесистый мешок.

— Пошли. Ночь будет жаркой во всех смыслах.

Этой ночью они со старостой пошли к дому Алексея.

План ритуала Артём повторял про себя снова и снова, пока слова не перестали быть словами и не превратились в набор движений, вбитых в голову почти насильно. Семён гонял его по каждому шагу до тех пор, пока он не начал отвечать без запинки. В итоге Артём мог перечислить всё от начала до конца. Но уверенности от этого не прибавилось. Не было её. Был

только мандраж. Тот самый — холодный, липкий, сидящий где-то под рёбрами. Он не уходит, сколько ни делай вид, будто всё под контролем.

Луна висела высоко и светила слишком ярко. Под этим белым, мёртвым светом они не шли — крались. Как воры. Как люди, которые уже знают: если ошибутся, второй попытки не будет. Деревня спала. Ни голосов, ни лая, ни света в окнах. Только сухой шорох шагов и тяжёлое ощущение, что впереди их давно ждут.

Семён молчал. Иногда он косился на Артёма, будто проверял, не передумал ли тот в последний момент. Но вслух ничего не говорил. Всё нужное было сказано днём. Теперь слова только мешали. Чем ближе они подходили к дому, тем жарче становился воздух. Сначала Артём решил, что показалось. Потом ворот его рубашки прилип к шее. По спине потекла тонкая струйка пота. Ночь вокруг оставалась прохладной, весенней. Но там, впереди, за чёрной линией ограды, уже начиналось другое пространство. Будто дом стоял не на этой земле, а на куске чужого, больного мира, где воздух жил по своим законам.

Они дошли до забора. От дома веяло жаром, живым, вязким, будто сам воздух внутри дышал.

Семён остановился у калитки.

— Дальше сам. Мы своё сделали.

Он передал мешок. Внутри звякнули склянки, зашуршали травы, потёрлись друг о друга куски мела. Старый нож с потемневшим лезвием лежал сверху — вещь, которой уже слишком много раз пользовались против того, что нельзя убить обычной сталью.

— Круг чертишь здесь. — Он ткнул пальцем в землю у входа в дом, уже за забором. — Для защиты.

Артём кивнул.

— Пока стоишь внутри, она не тронет тело. Всё остальное… — он помолчал, — уже твоя голова.

Артём не ответил. Толкнул калитку. Шагнул во двор. И сразу понял, что слова про жар были ещё мягкими.

Он не просто ударил — навалился разом, будто Артём вошёл в невидимую печь. Пот выступил мгновенно, в глазах защипало. Каждый вдох давался с трудом.

За спиной щёлкнула калитка — закрылась сама. Он быстро опустился на колено и начал чертить круг. Мел скрипел по земле. Крошился.

Линия выходила бледной, почти невидимой, и от этого было только хуже — с трудом верилось, что такая тонкая черта может удержать хоть что-то. Мел уже скользил в потных пальцах. Воздух вокруг дрожал, как над раскалённым железом.

— Артём…

Голос прозвучал совсем рядом. Он вздрогнул так, что едва не выронил мел. Ольга стояла у входа в дом. Та же. Живая, красивая, родная. Даже слишком.

Лицо мягкое, глаза тёплые, волосы собраны небрежно, как у женщины, которая устала, но всё ещё держится. От неё веяло домом, теплом, чем-то привычным и нормальным — и именно это пугало сильнее всего.

— Не надо, — сказала она мягко. — Ты же видишь, ему хорошо.

Артём не ответил. Замкнул круг. И мир будто щёлкнул.

Жар никуда не делся, но стал ровнее. Терпимее. Будто его перестали варить заживо и теперь просто держали над огнём.

Зато внутри всё начало выворачиваться. Мысли полезли одна за другой. Чужие. Липкие. Точные.

«Ты ведь сам хотел забыть. Ты знаешь, как это — потерять. Ты бы тоже не отпустил. Ты ведь не отсюда. Ты никому ничего не должен».

Артём стиснул зубы и поднял голову. Алексей стоял рядом с Ольгой. Его трясло от внутренней борьбы, которую он даже не мог до конца понять. Он будто держал кого-то невидимого обеими руками и уже едва не выпускал.

— Оля… — прошептал он. — Не уходи…

Она улыбнулась. Мягко. Почти нежно. И на одно короткое мгновение Артём увидел её настоящую: не женщину, не вдову, не хозяйку дома. Высохшую, обожжённую тварь с пустыми глазницами, в которых горел белый огонь.

Он моргнул — и перед ним снова была Ольга.

Но теперь Артём уже знал, куда смотреть. На паузы между её движениями. На слишком плавные шаги. На то, как жар усиливается всякий раз, когда она говорит.

— Он мой, — произнесла она спокойно. — Он сам меня держит.

Артём вытащил нож. Лезвие было холодным, как колодезная вода, — хороший знак.

— Алексей. Посмотри на меня.

Алексей с трудом повернул голову. В глазах — страх. Отчаяние. И кое-что ещё хуже — надежда, которую человек уже понимает, что надо убить в себе, но всё ещё не может.

— Если ты её не отпустишь, она заберёт тебя. И уйдёт дальше. Ты это знаешь.

— Я знаю, — прошептал он сквозь боль. — Но без неё… пусто.

Ольга шагнула ближе к кругу. Пространство между ними зашипело, будто разогретый металл облили водой.

— Не слушай его, я здесь. Я с тобой.

Алексей закрыл глаза.

— Я уже похоронил её, — сказал он хрипло. — Второй раз… я не выдержу…

Артём провёл ножом по ладони. Боль пришла сразу, ясная и отрезвляющая. Кровь упала на мел и впиталась, будто земля ждала именно этого. Жар дрогнул. Ольга впервые посмотрела на Артёма по-настоящему. Без ласки. Без маски. С ненавистью.

— Тогда слушай, — сказал Артём. — Если ты её удержишь — она останется. Но тогда ты умрёшь, и она найдёт новых жертв. Если отпустишь — она умрёт здесь. Вместе с тем, чем стала.

Алексей молчал. Артём уже подумал: всё. Не отпустит. Не сможет.

Ольга улыбнулась — победно, почти спокойно.

И в этот момент мир погас. Просто выключился, будто кто-то задул свечу. Темнота втянула Артёма в память Алексея: жар, ломота, детский страх.

Алексей оказался ребёнком. Маленьким, худым, утонувшим в слишком большой кровати. Простыни были мокрыми, тело ломило так, будто его выкручивали изнутри. Пекло стояло такое, что дышать было больно.

Над ним склонилась женщина.

— Ну как же тебя угораздило… — сказала она тихо, с любовью. — Бедный ты мой…

Она обтирала ребёнку лоб тряпкой, пахнущей уксусом. Её руки были прохладными. Спасительными.

— Ничего. Мы справимся. Ты только держись…

Алексей знал этот голос.

— Мама… — вырвалось у него. Она улыбнулась. И на мгновение её лицо дрогнуло. В глазах мелькнуло что-то чужое. Слишком внимательное. Мир снова сдвинулся.

Алексей стал старше, ему лет двадцать пять.

Пустая комната. Он сидит на полу, спиной к стене. На кровати — тело под простынёй.

— Не уходи… — сказал он, не поднимая головы.

— Я здесь, — ответил знакомый голос. Ольга.

Она села рядом, обняла. Тепло. Такое, что если разжать руки — замёрзнешь насмерть.

— Я никуда не уйду, — промурлыкала она, — пока ты меня держишь.

Картинка рванула снова. Выпускной. Алексею семнадцать. Она самая красивая. Белый бант. Глаза. Первый поцелуй у реки — неловкий, страстный, единственный по-настоящему чистый момент во всей этой чужой памяти.

— Не отпускай, — просит она, сжимая его руки.

— Никогда.

— Обещаешь?

— Алексей! — окликнул Артём внутри чужого сознания. — Это не она!

— Не слушай его! — закричала девушка. — Не отпускай!

Её пальцы впились в его руки. Не ногти — когти.

— Ты дал клятву! — заорала она.

— Алексей, — крикнул Артём, заставляя себя говорить ровно. — Пока ты держишь её, будут страдать другие. Сделай шаг. Я рядом.

И тогда Артём заметил деталь. Самую простую. Ту, которую нечисть не учла.

— Алексей. Посмотри на тень.

Тот перевёл взгляд. Молчание.

— Что происходит, Оля?.. — прошептал он. — Почему у тебя нет тени?..

Она отшатнулась. Лицо на миг поплыло. Красота сползла с него, как воск со свечи.

Следующая иллюзия ударила сразу.

Утро. Кухня. Солнечный луч на столе. Запах свежего хлеба.

Чашка чая. Ольга смеётся, что-то рассказывает, машет рукой.

— Вот видишь. Всё это пустяки.

Алексей смотрит на неё. Тени снова нет. Отражение в стекле дрожит, будто в жарком воздухе. Глаза слишком светлые. Слишком пустые.

— Это ложь.

Она не обижается. Только смотрит спокойнее. Холоднее.

— Это выбор. Либо боль сейчас. Либо дальше жизнь без боли. Но ненастоящая.

Последняя иллюзия пришла не криком. Тишиной.

Комната опустела. Вместе с голосами исчезли руки, тепло, даже тени на стенах. Алексей стоял посреди этой пустоты и не звал на помощь. Только всё чаще оглядывался, словно надеялся, что одиночество хотя бы притворится человеком.

— Ты можешь оставить меня, — раздался голос словно отовсюду. — Или оставить себя.

Алексей закрыл глаза. Потом сказал:

— Я тебя люблю. — Слова шли тяжело. Будто он выдирал их не из себя, а из чужой груди. — Но ты — не она.

Мир треснул. Иллюзии рассыпались, как стекло.

Артём снова был в круге. На коленях, в жаре, с ножом в руке.

Алексей смотрел на Ольгу с благодарностью человека, который наконец перестал торговаться с неизбежным.

— Спасибо, — сказал он тихо. — За то, что была.

Он выдохнул. И отпустил.

Ольга дёрнулась, как пламя, в которое вдруг плеснули водой. Лицо её поплыло. Красота лопнула. Из-под неё полезло настоящее — сухое, жжёное, древнее. Белый огонь в глазах вспыхнул в последний раз — ярко, зло, почти торжествующе.

И погас.

Жар ударил сильнее, чем раньше. Сразу весь. Будто дом решил умереть вместе с ней. Воздух сжался.

Круг под Артёмом дрогнул, он едва удержался на ногах. Алексей опустился на колени почти беззвучно, будто просто устал стоять.

Артём успел подхватить его, но сразу понял — это уже не нужно. Тело стало неожиданно лёгким, как у человека, который слишком долго тащил на себе чужую тяжесть и наконец поставил её на землю.

Он смотрел куда-то мимо Артёма.

— Знаешь… — сказал он еле слышно. — Странно.

Артём наклонился ближе.

— Что?

Алексей улыбнулся одними глазами.

— Стало… не больно.

Он сделал вдох — медленный, ровный. И выдохнул.

В тот же миг жар исчез. Так резко, будто кто-то выдернул из мира раскалённый гвоздь, на котором всё это держалось.

Ноги подкосились. В ушах зазвенело. Мир поплыл, теряя очертания. Артём успел заметить, как мел под ногами потемнел, будто впитал в себя всё, что здесь горело. Как одна из звёзд на его запястье вспыхнула — ярко, почти болезненно — и тут же погасла, перечёркнутая тонкой линией.

А потом стало темно.

Артём очнулся от запаха травяного настоя. Тяжёлого, горького. Того, которым лечат не тело — душу.

Открыл глаза. Потолок был деревянный, низкий. Знакомый. Он лежал на жёсткой кровати, укрытый шерстяным одеялом.

В голове шумело, тело ломило, будто его били так долго, что забыли за что.

Рядом сидел Семён. Молча. Спокойно.

— Жив, — сказал он, не глядя. — Значит, всё прошло.

Артём попытался приподняться — не получилось.

— Алексей?..

Семён не ответил сразу.

— Ушёл, — сказал он наконец. — Спокойно. Как и должен был.

Артём закрыл глаза и выдохнул. Запах золы всё ещё висел в воздухе. Слабый, но отчётливый. Дом дышал тишиной. Так пахнет место, где что-то закончилось правильно.

Артём лежал, глядя в потолок, когда дверь снова тихо открылась.

Семён поставил на стол кружку, сел напротив. Они молчали.

Не потому что нечего было сказать — наоборот.

Утро было обычным. Таким, каким оно бывает только после ночи, когда что-то заканчивается навсегда и не требует продолжения.

Артём перевёл взгляд на руку. Четыре звёзды. Одна исчезла. Семён проследил за его взглядом.

— Не метка силы. Счёт.

Артём издал нервный смешок. Семён не улыбнулся.

— Я позвонил.

— Куда?

— В Отдел. Старый друг. Старые связи. Они ещё остались.

— Что за отдел?

— Тебе объяснят. И помогут с поисками.

— И что ты им сказал?

— Что появился человек, который прошёл через лихорадку и вышел живым. И не убежал.

Он помолчал.

— За тобой приедут. Сегодня или завтра.

Семён подошёл к двери. Уже открывая её, остановился.

— Алексей ушёл легко, — сказал он не оборачиваясь. — Ты — нет.
— Ты это к чему?
— К тому, что ему нужно было отпустить одного человека. А тебе — весь мир.
Дверь со скрипом закрылась. Артём остался один.
Снаружи пели птицы. Пахло утренней золой и свежим хлебом.
И он понял: то, что началось в баре, закончится нескоро.

Глава 4

Прошло три дня. Река блестела на солнце, и от этого особенно странно было помнить, что совсем недавно здесь случилось. Артём лежал на берегу, жевал травинку и смотрел в небо. Напряжение почти ушло — люди казались добрее, воздух легче. Только ожог между лопаток, отпечаток ладони, ещё тянул кожу при каждом неосторожном движении и тихо напоминал: покой ненастоящий, просто тело устало бояться.

— Эй, городской!

Он обернулся. Перед ним стоял запыхавшийся пацан лет четырнадцати и упирался руками в колени.

— Там… за тобой приехали. Староста сказал — быстро.

Спокойствие закончилось.

У дома Семёна стояла тёмная «бэха» с тонированными окнами. Рядом курил мужчина лет тридцати пяти: джинсы, кожаная куртка, спокойный взгляд. Увидев Артёма, он молча кивнул и указал на дом.

Внутри за столом сидели Семён и ещё один мужчина. Они пили чай и разговаривали расслабленно, так, будто знали друг друга много лет. Оба встали, когда Артём вошёл.

Гость был высокий, крепкий, средних лет. Короткая стрижка.

Старый шрам тянулся от щеки к подбородку.

Артём оценил его за три секунды. Вес на левой ноге: старая травма или привычка стрелка. Плечи расправлены, но не напряжены — человек, привыкший к власти, а не к драке. Глаза спокойные, но зрачки не расширились при виде незнакомца. Контроль.

Полный. Руки крупные, ухоженные, без мозолей. Не боец — командир.

Он протянул руку:

— Виталий.

— Артём.

Рукопожатие было коротким и крепким. Ладонь сухая, хватка точная — ровно столько давления, сколько нужно. Ни больше ни меньше. Человек, который всё измерял.

— Виталий работает там же, где и Максим, — сказал Семён. — Я рассказал ему о тебе. И о том, что ты сделал.

Виталий посмотрел на Артёма внимательно, без улыбки. Пальцы его правой руки медленно постукивали по столу — ровно, как метроном.

— Лихорадка. Без подготовки Отдела. Без команды. И ты остался жив.

— Я просто не смог уйти.

— Такие долго не живут, — спокойно сказал Виталий. — Но иногда именно такие и нужны. Поехали с нами.

На слове «живут» ритм его пальцев на столе сбился — всего на один удар. Потом снова пошёл ровно, как раньше.

— Куда?

— В контору. Деньги, жильё, документы дадим. А ты пока поможешь нам. Мы тоже ищем Макса.

— С чего вы решили, что я вам нужен? Я вообще себя не помню.

— Зато ты помнишь, что нельзя бросать людей, — ответил Виталий. — Макс ручался за тебя. Этого достаточно.

Артём помолчал. Внутри что-то сопротивлялось — негромко, но настойчиво. Человек, который не помнит прошлого, не должен соглашаться вслепую. Особенно с теми, кто слишком легко говорит: «Мы тебя ждали». Он знал это без памяти — чутьём, мышцами, кожей.

Но альтернатива — пустой город и имя, которое ничего не значит.

— Вы помогаете найти Макса. Я работаю с вами. Но если что-то пойдёт не так — я уйду.

— Договорились.

Семён крепко хлопнул его по плечу.

— Сердце у тебя доброе. И смелости хватает. Вот… в дорогу. — Он протянул тяжёлый рюкзак. — От всей деревни.

Внутри оказались тушёнка, сало, сушёное мясо. Выехали сразу.

Здание Отдела напоминало старый советский НИИ — бетонная коробка, ряды одинаковых окон, вахта на входе. Свет горел почти везде, несмотря на глубокую ночь. Людей было много. Артём почувствовал это, ещё не переступив порог, даже не звук — вибрацию. Низкую, на грани восприятия, словно где-то глубоко под фундаментом работал механизм, который никто не выключал. Только для механизма ритм был слишком живой — будто здание поставили не на грунт, а на что-то, что дышит. Гул проходил через подошвы, поднимался по ногам, оседал в зубах. Артём оглянулся — никто не обращал внимания. Привыкли. Или не чувствовали.

Его прогнали через фото, отпечатки, медосмотр. Потом — ряд потёртых стульев и кофемашина.

Пятый этаж.

У кабинета стоял парень лет двадцати пяти: кобура под мышкой, нож на поясе, рука перебинтована почти до локтя. Он держал стаканчик кофе двумя ладонями и заканчивал рассказ двум девушкам:

— Огненный демон пришёл к вдове в облике мужа. Мы заперли дом ладаном, а её отвели к могиле. Когда она признала, что муж умер, тварь ушла.

В коридоре стало тихо.

— И всё? — спросила одна из девушек.

— Не всё заканчивается трупом.

Парень заметил Артёма, оценил одним взглядом и поднял стаканчик:

— Привыкай. Иногда самое сложное — не убить.

В этот момент Артёма позвали в кабинет. Там сидели Виталий и ещё один мужчина.

— Знакомьтесь. Артём. Новичок.

— Временный, — поправил Артём.

— Макс оставил ему дорогу к нам, — продолжил Виталий. — А дошёл он сам. И уже себя показал.

— Странно, что Макс не обратился к нам напрямую, — сказал мужчина.

— В этом деле вообще много странного, — отмахнулся Виталий. — Бери Артёма в напарники.

Мужчина поднялся и протянул руку:

— Антон.

Крепкий. Опытный. Спокойный.

— Завтра в десять. У нас три трупа. Похоже на вампира.

Будильник Артём поставил задолго до срока — боялся проспать первое дело. Без пяти шесть нащупал его вслепую, выключил и со стоном открыл глаза. Антон не походил на человека, который станет ждать: не увидит напарника — уедет, а разбираться будет потом.

Артём почистил зубы, принял душ и спустился в кафе при отеле. Сел у окна, заказал кофе с завтраком и стал смотреть на улицу. Серый дождливый день. Люди шли ровным строем, как на автопилоте. Старый трамвай со скрипом замер на остановке, впуская в и без того набитый вагон новых пассажиров. Мысли вернулись к делу: вампиры?! Они правда существуют? Где здесь правда, а где то, что насочиняли в книгах и кино? И как с ними вообще бороться?

Запах кофе вернул Артёма к завтраку.

Потом он ещё пару часов кружил у места встречи, боясь пропустить нужный автомобиль.

— Давно ждёшь? — ухмыльнулся Антон из остановившейся рядом машины.

— Не особо.

— Ну садись, напарник. Пора на дело.

Артём кивнул и запрыгнул на пассажирское сиденье.

— Три убийства, — сказал Антон, поворачивая руль. — Один почерк. Надрезы на шее. Крови нет.

— Вампиры существуют? — перебил его Артём.

— После лихорадки ты ещё сомневаешься?

Он промолчал.

— Если это действительно вампир — ликвидируем. И запомни: для гражданских мы опера из Затонска. Сегодня внимательно смотри и слушай. Оружие получишь, когда решу, что ты готов.

Дальше ехали молча. Добравшись до места, вышли из машины.

Приблизились к подъезду, у которого дежурил полицейский.

— Закрыто, — сказал тот.

Антон показал ксиву:

— Мы по делу.

Полицейский кивнул и отошёл в сторону, пропуская их. Подъезд пах свежей краской и чем-то сладким, химическим.

Лифт не работал. Благо им был нужен третий этаж.

На площадке толпились криминалисты, опер, участковый.

— Свои, — бросил Антон и показал удостоверение. Пропустили без вопросов.

Квартира однокомнатная. Чистая. Слишком чистая для места, где умер человек. Ни следов борьбы, ни перевёрнутой мебели.

Тело лежало в спальне. Мужчина лет тридцати. Худой, в домашней одежде. На первый взгляд — спит. Только цвет кожи выдавал: сероватый, как у людей, которых уже не вернуть.

Антон присел рядом, не касаясь.

— Смотри.

Артём подошёл ближе. На шее у трупа виднелись два аккуратных надреза. Не рваные, не глубокие. Почти хирургические.

— Укус?

— Похоже. Но есть нюанс. Крови почти нет. Ни на теле, ни на простынях. И это странно.

— Почему?

— Потому что если бы это был настоящий вампир — он бы не оставил вот так. Либо высосал бы всё. Либо наоборот — следы были бы грубее. Тут… будто кто-то старался имитировать.

Артём оглядел комнату: телевизор, коробки из-под еды.

На столе — пластиковый контейнер.

— Суши.

Антон повернул голову туда же.

— Заказывал?

— Похоже. Свежие.

Антон кивнул.

— Запомни: мелочи тут важнее чудес.

Когда они вышли из дома, уличный воздух резанул свежестью. Город снова выглядел выцветшим, словно из него выкрутили насыщенность. Солнце било в глаза, машины ездили, жизнь шла — как ни в чём не бывало. Артём подумал: «Затонск. Город на автопилоте». Теперь он понимал, почему кто-то написал это на табличке. Не шутка, а диагноз.

На лавочке у подъезда сидели бабушки, те самые, которые знают больше баз данных. Антон перевёл взгляд с них на Артёма.

— Иди поговори.

— Я?

— Ты выглядишь… безопасно, — усмехнулся он. — Я начинаю давить ещё до первого вопроса.

Артём подошёл.

— Здравствуйте.

— Ой, здравствуй, сынок. Ты из этих, да? — участливо начала старушка.

— Из каких?

— Ну, которые тут всё рыскают вокруг, — фыркнула другая.

— Я просто спрашиваю. Вы этого парня знали, что убит?

— Тихий был. Вежливый. Работал много.

— А в последние дни что-то необычное не замечали?

Бабушки переглянулись.

— Курьер к нему ездил. Часто.

— Какой курьер?

— Один и тот же. Высокий, худой, вечно в чёрном. Я по ночам плохо сплю, из окна видела, как приезжал.

— С едой?

— С едой. На сумке иероглифы были.

— Он и к другим ездил?

— Конечно, — закивала первая бабушка. — Вон в том доме. И через дорогу. Всё к вечеру. Там же, где и другие убийства были.

— Другие убийства?

— Конечно! Вы разве не знаете? — возмутилась вторая. — А ещё работаете в органах.

— Я новенький.

Артём поблагодарил их и вернулся к Антону.

— Курьер. Один и тот же. Ездил ко всем, в чьих домах были убийства. Суши развозил.

Антон прищурился.

— Вот теперь интересно.

Уже в машине он кому-то позвонил.

— Пробей заказы еды по району за последние три дня. Конкретно — суши, роллы, всё такое. Адреса с совпадениями трёх жертв. — Он повесил трубку и посмотрел на Артёма. — Если все жертвы заказывали в одном месте, это уже не совпадение.

— Курьер-убийца?

— А что тебя удивляет? — ухмыльнулся Антон. — И не такое бывает в нашей профессии. В любом случае нужно проверить.

Суши-бар прятался во дворах одинаковых многоэтажек. Каменные коробки нависали друг над другом, создавая ощущение бетонного лабиринта. Среди этого однообразия торчал старый особняк — дореволюционный, с кованым забором. Он выглядел чужим, зажатым между новостройками.

— Не договорились, значит, — хмыкнул Антон.

— О чём?

— Земля дорогая, — пояснил он. — Проще дом снести и воткнуть ещё один муравейник. Но кто-то упёрся. Значит, пока жив. Зашли внутрь. Запах риса, рыбы и соевого соуса. За стойкой — повара, быстро работающие ножами.

Антон показал удостоверение.

— Нам нужен ваш ночной курьер.

Менеджер побледнел.

— Что он сделал?

— Несколько ваших клиентов больше ничего не закажут. Они мертвы.

Тот сглотнул.

— Вячеслав странный, но не убийца. Он тихий.

— Нас интересуют факты, — спокойно и твёрдо продолжил Антон. — Сколько он у вас работает?

— Почти два года. Только ночные смены. Личного телефона нет: берёт рабочий аппарат и лист адресов у диспетчера. После полуночи будет здесь. Вот адреса доставок за последние сутки.

Лист лёг на стойку.

— Он не виноват, — повторил менеджер.

— Это мы и выясним.

Они начали обходить адреса.

В первой квартире открыл мужчина в халате. Бледный, усталый.

— Вам ночью доставляли заказ?

— Было дело.

— Курьера опишите. Тот нахмурился.

— Не помню… Странно. Помню еду. А его — нет.

Он поднял руку к шее — и Артём увидел следы. Два маленьких прокола. Антон заметил тоже.

— Пейте больше воды, — посоветовал он.

Когда дверь закрылась, он повернулся к Артёму:

— Видел?

— Да.

— Классический укус. Жив. Амнезия. Очень аккуратный вампир.

— Тогда почему другие убиты?

— Вот это и вопрос.

Посетили ещё три адреса. Та же картина: следы, слабость, провалы в памяти.

На последнем слове Артём невольно провёл пальцами по виску. Та же пустота была в нём самом. Но сходство ещё ничего не доказывало — только требовало проверки, к которой он пока не хотел приближаться.

— Идеальное прикрытие, — пробормотал Антон. — Курьер. Просишь поставить заказ на кухне — и сам приглашаешь его через порог. Потом не запоминаешь.

К сумеркам они вернулись к суши-бару и встали в тени напротив — ждать ночную смену Вячеслава.

Антон достал из багажника пистолет и протянул Артёму рукоятью вперёд.

— Только на эту засаду. Палец на спусковой крючок не клади до моей команды. Пей. — Антон протянул пузырёк. Артём не взял.

— Что это?

— Обостритель. Усилит слух, запахи, зрение. Зрячим не сделает — ты уже видишь. Я свою дозу принял.

Горечь обожгла горло. Через секунду мир стал резче. Артём различил шорох шин на соседней улице, влажный кирпич, чужое дыхание за закрытым окном. Слишком много сразу. Он стиснул зубы, пока ощущения не разошлись по отдельным слоям.

— Используем эффект внезапности, — сказал Антон. — Ты отвлечёшь. Я проверю реакцию и обездвижу.

Вячеслав появился тихо, на велосипеде. Как и описывали бабушки, он был полностью в чёрном, высокий и тощий.

— Эй, приятель, — окликнул его Артём, подходя ближе.

Курьер остановился. Медленно повернул голову. Лица под капюшоном почти не было видно. Только бледный подбородок и слишком спокойный рот.

На секунду всё застыло.

Потом Антон ударил. Появился из темноты бесшумно. Нож шёл снизу вверх — точно под рёбра. Не обездвижить. Убить. Быстро. Жёстко. Без предупреждения.

Но курьер исчез раньше, чем лезвие его коснулось. Просто пропал.

И в ту же секунду Антон оказался перед Артёмом — по инерции, с занесённым ножом. Тот едва успел шарахнуться в сторону, когда что-то тяжёлое ударило его в грудь.

Мир перевернулся. Он влетел спиной в кирпичную стену, воздух вышибло из лёгких. Перед глазами вспыхнули белые искры.

Когда зрение вернулось, он увидел невозможное. Вампир держал Антона за горло одной рукой. Легко, почти лениво. Будто поднял не взрослого мужика, а пустую куртку. Ноги Антона едва касались асфальта.

Вторая рука Вячеслава уже не была человеческой. Пальцы вытянулись, стали тоньше. На концах вместо ногтей выросли тёмные, блестящие лезвия. Пять клинков замерли в сантиметре от груди Антона.

— Вы охотники? — спросил вампир спокойно. Ни злости, ни страха, только усталое раздражение, будто его отвлекли от работы.

Антон хрипло выдавил:

— Мы… из Отдела.

— Тогда зачем вы на меня напали?

Артём поднялся, держась за стену. Рёбра ныли на каждом вдохе, тупо и ровно.

— Ты пьёшь кровь людей, — прохрипел Антон. — Ты угроза.

Вячеслав чуть сильнее сжал пальцы. Тот дёрнулся, прикусил щёку; кровь наполнила рот.

— Я никого не убивал.

— Три человека мертвы, — выдавил Антон. — Докажи, что не ты.

Вампир повернул голову к Артёму. Его глаза в темноте были почти чёрными, без белков, глубокие, как колодцы.

— А ты? Тоже так считаешь?

Артём поднял пистолет. И понял, что не успеет. Стоит ему шевельнуться — Антон умрёт раньше, чем он нажмёт на спуск.

— Не знаю, — сказал Артём. — Но если бы ты хотел нас убить, мы бы уже были мертвы.

Лицо Антона дёрнулось, точно от удара.

— Ты с ума сошёл?

Вампир смотрел на Артёма ещё секунду. Потом едва заметно улыбнулся.

— Хоть один из вас думает, прежде чем стреляет.

Он ослабил хватку, но не отпускал до конца, пока Антон не поймал равновесие. Тот рванулся назад, схватившись за горло. Вампир отступил, его пальцы снова стали походить на человеческие. Почти.

— Я живу здесь дольше, чем стоит ваш город. И ни разу не убил человека ради пищи.

Антон тяжело дышал и всё ещё держал нож наготове.

— Сказки.

— Нет. Привычка выживать.

Вампир кивнул в сторону тёмных окон.

— Люди сами впускают меня внутрь. Сами открывают дверь. Сами забывают. Удобная форма сосуществования.

— Ты называешь это сосуществованием? — уточнил Артём.

— А как ещё назвать мир, в котором один вид жрёт всё вокруг, а другой учится выживать рядом с ним?

— А убитые?

— Не мои. На их дверях не было моего следа. И кровь забрали уже после смерти.

Повисла тяжёлая пауза. Из окна наверху доносился звук телевизора, где-то вдалеке лаяла собака. Мир жил обычной жизнью, пока они стояли в тёмном дворе между мусорными баками и решали, стоит ли верить друг другу.

— Тогда кто убивает? — спросил Артём.

Вампир посмотрел на него прямо.

— Люди.

Он сделал шаг назад. Тень за его спиной дрогнула, стала гуще.

— Вы вышли не на того хищника.

И исчез. На этот раз Артём увидел, как это произошло: тело не растворилось — оно сложилось внутрь себя, в собственную тень, и через миг там уже было пусто. Только велосипед, прислонённый к стене, медленно качнулся и упал на асфальт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.